

ревью

“я искал работу, где меньше всего буду обязан”

Сегодня большим концертом в Кремле будет отпразднован пятидесятилетний юбилей **Бориса Гребенщикова**. Накануне **Анна Черниговская** встретила с Борисом Борисовичем.

«просто мир вокруг меня сумасшедший, а я нормальный»

С какого времени ты себя помнишь? Я себя помню с того времени, как научился ходить. Вероятно, мне было около года, может быть — меньше. Я помню отдельные вещи. Это на уровне ощущений, их очень трудно рассказывать. Единственное, что я могу сказать, — мне в детстве было совершенно непонятно, зачем я здесь родился. Мне в этом мире эмоционально было очень неуютно. Из чего можно заключить, что, вероятно, мне не было с чем сравнивать. Я просто понимал, что то, на что я настроен, совсем не отвечает миру, в котором меня почему-то заставляют жить. И какое-то время я пытался что-то с этим сделать, потом я как-то к этому привык и пытался плохую игру повернуть хорошей стороной. А потом, году в 63—64-м, когда эта музыка наконец достигла моих ушей, я понял, что ничего делать не нужно, все в порядке. Просто мир вокруг меня сумасшедший, а я нормальный. Музыка The Beatles подтвердила это для меня целиком.

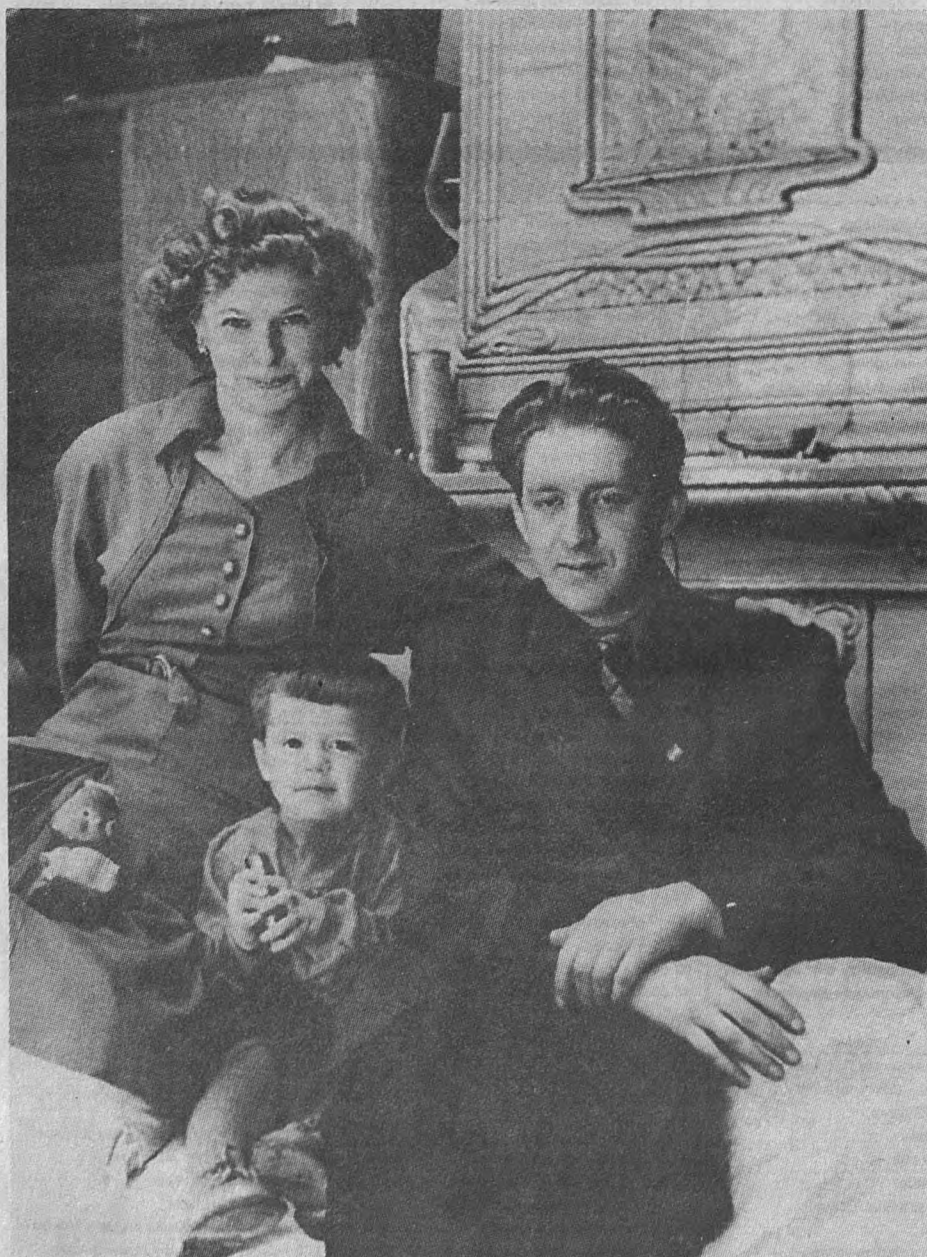
До этого ты вообще музыку не слушал?

Нет, я постоянно слушал. Все советские пластинки, которые могли иметь место в то время, — трио «Лос Панчос», Доменико Мадуньо. Робертино Лоретти мне не нравился совершенно. Я постоянно пел с тех пор, как научился говорить, постоянно пел. Музыка вводила меня в экзотическое состояние, когда я еще такого слова не знал. С появлением того, что тогда называлось рок-н-роллом, у меня все очень быстро встало на свои места.

А ты как первый раз рок-н-ролл услышал?

В то время в каждом дворе минимум три человека выставляли на окно магнитофоны. И очень громко проигрывали неизвестную музыку, которая будоражила сознание очень сильно. И попытки заинтересовать этим моих одноклассников успехом не увенчивались. Одноклассники не понимали, зачем я слушаю эти звуки и заставляю их слушать так громко. А я по-другому не мог. Поэтому класс в третьем этаже махнул рукой на одноклассников, поняв, что с ними ничего не добиться. И, пока я в третьем классе не познакомился с Джорджем (Анатолий Гуникий (Джордж) — сооснователь «Аквариума», автор многих знаменитых текстов песен группы — к примеру, «Пятнадцать баб», «Крюкообразность», «Марш» и др. — **Газета**) — он был в четвертом, а я в третьем соответственно, — я махнул рукой совсем на общественную жизнь и занимался чтением книг и прослушиванием музыки сам для себя. Потом в лице Джорджа я нашел союзника. Джордж учился в школе рядом со мной, и мы жили в соседних парадных. С моего балкона при удачном стечении обстоятельств можно было увидеть его балкон, если бы мы оба сильно высунулись. Но мы оба жили на пятом этаже, поэтому это было несколько опасно. Тем не менее иногда мы достигали этого. А начиная с пятого класса мне родители с антресолей доставали магнитофон, и я получил возможность записывать музыку прямо с приемника. Это была весна 1965-го года, насколько я помню.

Джордж рассказывал, что вы играли в какие-то медитативные игры, писали пьесы.

Людмила Харитоновна, Борис Александрович и Боря Гребенщиковы. 1958—1959 год. Фото из архива Людмилы Харитоновны Гребенщиковой, публикуется впервые

Борис Гребенщиков — Газете

Достоевский — и ну читать «Идиота». Не потому, что нужно в одиннадцать лет читать. У тебя так было?

У меня не было никакого соблазна. Я даже легендарного Мопассана так и не смог прочитать.

А Бальзака?

Тем более. Я все пробовал, но бросал после двадцати страниц — просто неинтересно.

Тебя не интересовал XIX век?

Нет, меня не интересует мелодрама как факт. Я перешел прямо к Стругацким, Ефремову, Беляеву. А так называемая великая русская литература существовала в виде школьной программы и не вызывала никаких эмоций. Потом, спустя какое-то время, мне более или менее понравилась «Первая любовь». Симпатии ни к Достоевскому, ни к Толстому, ни к Тургеневу, ни к Чехову так и не возникло. У меня дома стоял весь Чехов, и мать его постоянно читала. Мне было интересно, почему она это делает, и я, шурясь, рассказывал какие-то почитал, но никакого чувства это не вызывало. Меня быт никогда не интересовал ни с какой стороны.

И история нравов тоже?

Тем более.

А стихи? Мама любила стихи?

Не имею ни малейшего представления. Меня загло на чтение стихов выступление по телевизору огромной команды бардов (по-моему, в Марининке был большой концерт). Там были все — Клячкин, Окуджава, судя по всему, там был Кукин и много-много других. Прослушав это, я немедленно понял, что тоже так могу, сел и написал первое стихотворение. Это было в первом классе.

Вы с Джорджем так и существовали отдельно от других?

У Джорджа какие-то существовали еще приятели, а у меня нет, наверное. Я активно с девочками общался. А с мальчиками — не с кем было общаться. Были один-два человека, с которыми я общался, чтобы было с кем на переменке разговаривать.

То есть ты с детства был человек сам по себе.

Абсолютно, стопроцентно сам по себе. Газеты выпускал какие-то, вел общественную жизнь — один.

Газеты про школьную жизнь?

Темы, близкие к Монти Пайтон, — то, что человек во втором классе может придумать. А потом мне надоело, когда музыка стала проявляться.

Ты с девочками общался — с ними дружил или это было состояние влюбленности?

Нет, мне просто с ними было значительно интереснее. Влюбленности все время происходили, но все это так как-то.

А когда ты понял, что это что-то другое?

Ну класса с восьмого-девятого. Нет. Раньше, с седьмого.

А когда появилась нешкольная компания?

Нешкольная компания появилась на базе пионерского лагеря ВТО летом 1968 года.

А как ты там оказался? У тебя же никто не имел отношения к театру?

Я шел мимо пионерлагеря, к обитателям которого относился с очень большим неуважением — они мне казались птичками в клетке, которых водят строем туда и сюда. И я смеялся над ними. А потом как-то я шел мимо этого пионерлагеря, и там два человека играли на двух гитарах песню Ticket To Ride и пели на два голоса. Притом один из них был негр. То, что один из них был негр, меня мало интересовало, а вот то, что у них получается похоже, меня востыло с такой силой, что я пришел домой и сказал родителям и бабушке, что мне нужно в этот пионерлагерь. И я попал в этот лагерь. То есть сначала я начал ходить туда сама, но они не приветствовали посторонних. И я сделал все, чтобы оказаться там через неделю.

А кто были эти двое?

Негр был Миша Ромальо. Он был сыном известного актера, который исполнял роль черного ребенка в кинофильме «Цирк». Он научил меня играть на гитаре. А белый потерялся в тумане.

А как же легенда про бабушку, помойку, гитару и три аккорда, преподанные мамой?

Матушка мне честно преподавала три аккорда. Соответственно ля минор, ре минор и ми мажор, которых для исполнения бардовских песен вполне хватало. Но поскольку мои интересы лежали в несколько иной области, я честно пытался приспособить семиструнную гитару к исполнению Beatles. У меня это не получилось. А потом мне ребята во дворе — с длинными волосами, которые назывались «гопники» или «шпана», — показали, как надо на самом деле: одну струну убрать или зажать карандашом, а другие струны нужно настроить по-другому. Я полгода с этим покопался, а потом Ромальо мне показал, как на самом деле с этим управляться.

А шестиструнную гитару не проще было купить?

Их не было. Они появились значительно позже — считались непатриотичными.

Ты, наверное, как все мальчики из интеллигентных семей, до того учился в музыкальной школе?

В музыкальную школу меня не записывали, мне вызвали преподавателя пианино. Но я научился очень ловко прятаться от него в разные места, и после трех-четырёх попыток эксперимент отменили. Мне физически не нравилось пианино. Мне его звук казался очень скучным. У меня до сих пор устойчивая идиосинкразия на пианино. Поэтому что мне не нравилось хорошо темперированный клавир. Для меня двенадцать нот слишком мало. Меня интересует то, что между нотами.

Пионер Борис Гребенщиков. 6-й класс, 1965 год. Фото из архива Людмилы Харитоновны Гребенщиковой, публикуется впервые

А дома что родители слушали?

Роскошные пластинки из золотой коллекции или там музыкальный калейдоскоп. Но музыка для них не являлась бытием.

А кино?

Я помню, что мать пускалась на всякие ухищрения, чтобы я мог посмотреть то, что меня интересует: «Великолепную семерку», «Фантомас», на которого не пускали детей до шестнадцати лет...

Как ты при таких своих интересах и занятиях оказался в 239-й школе?

Потому что я часто принимал участие в математических олимпиадах и мои родители решили, что у меня большой математический дар. А мне было абсолютно все равно, потому что мне очень нравились перспективы бросить школу, где кроме Джорджа и еще одного третьего нет абсолютно никого, с кем бы можно было разговаривать. Не говоря уже о том, что в 239-й школе сливки собирались со всего города, и мне это было гораздо интереснее. Там были очень хорошие учителя, серьезно понимающие в своем деле. И в принципе там существовала напряженная интеллектуальная жизнь. Она не вся меня интересовала, но все читали какие-то книги, обсуждали какие-то политические события. Интеллектуальные. По контрасту с 429-й обычной школой московского района 239-я была выше.

Твоя первая школа была специализированной английской?

Нет. Я в одной школе учил немецкий, потом где-то еще французский. Матушка наняла мне и нашей соседке по площадке частного преподавателя, с которым мы изучали английский. Но из-за необходимости и неудобности куда-то ездить или ходить мы это забросили. А где-то через год я понял, что Beatles тоже поют по-английски и, вероятно, между одним и другим должно быть соответствие, которого я не усматриваю. И я решил пробиться сквозь это несоответствие. Сравнивая, я понял, что все это один язык, только Beatles поют несколько иную его версию. Моя матушка-умница после всех обычных советских адаптированных книг, которые читать практически невозможно, поняла, что мне нужно чем-то заинтересоваться, и принесла из библиотеки книжку старого английского издания. Я, ничего не понимая, ее прочитал. Где-то к середине начал понимать, что чего делает, и запомнил имена. Где-то с третьей книжки я начал понимать все. Мать — большая умница, я ей всем обязан. Когда я что-то слушал и отец просил выключить этот ужас, мать за меня вступалась, и они даже ссорились. Она вступалась за мою свободу.

В отличие от бабушки, которая была против твоей свободы?

Бабушка в смысле интеллектуальном никак мне не мешала. Она в смысле дисциплины. Как зек с охранником мы очень мило жили вместе.

По рассказам Джорджа, твоим воспитанием занималась бабушка, даже гуляла с тобой до какого-то большого возраста...

Да, они старались меня не выпускать одного, на долгое время не оставляли. Но с Джорджем мы бродили по двору класса, наверное, с четвертого, и никто мне не мешал.

Если опираться на воспоминания твоей мамы, бабушка довольно жесткие методы в воспитании применяла...

Вероятно, да. Но при этом не было долговременных конфликтов. Я мог обидеться на нее, но через какое-то время отходил.

А ты обижался по делу или нет?

Этого я не помню. Думаю, что все было не по делу. Когда бабушка воспитывает строгими методами, это все-таки смешно — силы не равны. Если бы отец меня воспитывал строгими методами, были бы очень сильные конфликты. По счастью, он никогда не пытался меня воспитывать.

А с кем у тебя была большая близость?

С бабушкой в основном, попозже с матерью и в последнюю очередь с отцом. Отец мало бывал дома, был занят на работе и являлся для меня скорее знаковой фигурой. Я знал, что есть отец, я его любил, но общался с ним мало.

А был период, когда ты с ним много общался?

Нет. Так сложилось. Этого не случилось ни разу в жизни.

Обычно в каком-то возрасте близость с бабушкой сменяется близостью с родителями...

Мама жила своей жизнью, мы — своей. Она меня контролировала активно. Нормальная близость, ничего сверхъестественного. Она делала все, чтобы максимально меня развивать. Активно меня пичкала культурой. Всей, которая была доступна. И до сих пор это делает. Как что-нибудь прочтает, немедленно звонит мне и сообщает, что она что-то новое прочла.

То есть она следит за культурно-литературным фоном?

И очень сильно.

Мураками, Козьмо...

Ну не совсем Мураками — она какие-то более стремные вещи читает.

Мама тогда твоя в университете работала?

Она стала работать в универе значительно позже, когда я заканчивал школу. А до того она была художником в Доме моделей.

А как она из художника стала социологом?

Она встретила старого своего университетского знакомого, который к тому времени работал в университете и сказал, что поможет ей устроиться.

Ей надоело рисовать?

Да. Это было совсем бессмысленно. Никакого развития.

А советская социология?

Там можно было ничего не делать официально. Пить чай и с умными людьми разговаривать обо всем на свете, что в Доме моделей было невозможно.

Кем был твой отец?

Отец был изобретателем. Изобретал лаги, системы измерения глубины на кораблях. А потом что-то из знакомых его спотекерировал на пост директора небольшого опытного завода экспериментального. И он там работал несколько лет. Там была тяжелая ситуация. Насколько я помню реалии того времени, нужно было слишком много пить с разными людьми, что его и сгубило. У отца было плохое сердце, несколько инфарктов. И от этого он, собственно, умер.

Тебе жизнь родителей казалась скучной?

Безусловно. С самого начала. Когда они сидели и рассуждали о только что вышедшей книге «Понедельник начинается в субботу», мне было страшно интересно. Когда они начали делать это по пятому кругу, я понял, что все это скучно. Их образ жизни меня не волновал. Я понимал, что им самим скучно. Они занимаются бытовой жизнью без перспектив.

Почему ты не пошел в гуманитарный вуз при твоём интересе к музыке, стихам, английскому?

По самой простой причине — вся гуманитарная карьера оставалась внутри, и я занимался тем, чем хотел заниматься. А в смысле жизненного приспособления можно было идти куда угодно. Родители решили, что математика может мне обеспечить реальную работу. А поскольку мне было абсолютно по барабану, чем я буду заниматься в необходимом государству время (поскольку меня интересовало другое), я правильно рассудил, что, как обмануть государство на работе, я найду, а все остальное время честно мое. Я просто искал работу, где я меньше всего буду обязан...

А почему из всех математических факультетов ты выбрал именно ПМ-ПУ?

Очень просто. Потому что он только что открылся. Те, кто хотел серьезно заниматься математикой, учились на матмехе. А на примат уходили все, кто не очень серьезно хотел заниматься, кому нужно было по разным причинам просто числиться в университете.

Ты остался в университете работать...

Да. Потому что в НИИ КСИ меня брали, там у меня была еще большая свобода. Там я занимался просто чем хочу. Как и все, кто там работал.

Если бы не случился в фестиваль в Тбилиси, после которого тебя выгнали с работы, то ты бы в НИИ КСИ продолжал работать?

Сложно сказать, чтобы было бы. У меня не было никакой необходимости уходить. Я прекрасно адаптировался, работал в пределах государства. В 71-м году я поступил в университет и 9 лет был прекрасно вписан в социальную схему. Находился в прекрасном состоянии по отношению к государству и еще ухитрился общественной деятельностью заниматься. Сейчас могу сказать, что, поскольку я с 64—65-го года понял, что мне интересно, мне было просто важно снизить уровень конфликта с государством, которое мне не дает заниматься тем, чем я хочу заниматься. В этом и была моя адаптивность.

А ты вообще конфликтный человек?

Конфликт просто отнимает время. Зачем, когда я могу это время потратить на написание песен или послушать музыку. Конфликтные люди — это люди, которые являются такими идиотами, что не понимают, что они попусту тратят энергию. Люди умнее понимают, что на это ее тратить не надо. В Японии, в Китае настоящий мастер не тот, кто побеждает, а тот, кто не допускает конфликта. А совсем настоящий мастер даже не находится в том месте, где может быть конфликт.

Газета выражает признательность Людмиле Харитоновне Гребенщиковой за предоставленные фотографии из семейного архива.